

— В документах же было сказано, что Ду Чэн — сирота? — с легким недоумением спросил молодой надзиратель, стоя у распахнутых тюремных ворот.

Его удивление было вполне объяснимо. За тот год, что он здесь работал, он насмотрелся на то, как люди выходят на свободу в полном одиночестве, даже если у них есть живые родственники. Многие семьи, получив известие об освобождении заключенного, прямо заявляли, что не имеют к нему никакого отношения. А тут — Ду Чэн, у которого, по идее, нет ни души родной, а его встречают, обнимают, усаживают в машину, переодевают в добротную, явно дорогую и отлично сидящую одежду. Молодой надзиратель не мог не удивиться, а заодно и по-доброму позавидовать везению бывшего заключенного.

Средний надзиратель, который только что проводил Ду Чэна до ворот, молча смотрел вслед удаляющемуся автомобилю. Он работал здесь еще тогда, когда Ду Чэн только попал в тюрьму. Город D не назовешь ни огромным, ни крошечным, и история о том, как Ду Чэн взял на себя чужую вину, не была таким уж секретом. Настоящим виновником непредумышленного убийства оказался сын одного из городских чиновников. Чтобы замять дело и уничтожить улики, пришлось задействовать множество связей, поэтому посвященных было немало.

Хотя перед законом все равны, каждый понимал, как дела обстоят на самом деле. По мнению надзирателя, это была сделка, где обе стороны получили желаемое. Личное дело Ду Чэна было безупречным: сирота без связей и денег. Даже с его блестящими успехами в учебе, без средств к существованию он не то что об образовании — о еде бы не мечтал. Девять лет за 1,8 миллиона — пусть в личном деле и появилось пятно, сделка была выгодной. И девять лет назад, и сейчас 1,8 миллиона — сумма немалая. Даже выпускнику престижного вуза, работающему в офисе, понадобились бы десятилетия, чтобы заработать такие деньги. Но тогда всех поразило другое: Ду Чэн не положил деньги на свой счет, а велел передать чек своему так называемому лучшему другу. Многие тогда смеялись над ним, называя дураком: мол, отсидит девять лет ни за что, выйдет с судимостью, а денег и след простынет. В конце концов, кровные родственники из-за денег перегрызают друг другу глотки, что уж говорить о друзьях детства, с которыми нет никакой генетической связи.

Именно поэтому не только средний надзиратель, но и многие другие, знавшие правду, следили за судьбой Ду Чэна. Работая в системе общественной безопасности, нетрудно навести справки, поэтому, пока Нин Циянь ни о чем не подозревал, его успехи в учебе и доходы были у всех на виду. Включая то, как после окончания университета он вернулся в город D, как купил квартиру, полностью оплатив ее, и как в свидетельстве о праве собственности оказались вписаны оба — он и Ду Чэн.

Даже несмотря на то, что за все девять лет Нин Циянь ни разу не приехал на свидание в тюрьму, его последовательные действия заставляли признать: поступок Ду Чэна не был глупостью. Их связь оказалась крепче, чем у самых близких кровных родственников.

Покинув тюрьму, Нин Циянь пересек почти весь город D и направился в сторону дома, расположенного в студенческом городке. Ду Чэн смотрел в окно на высокие здания — за девять лет знакомый город стал чужим. Нин Циянь заботливо замедлил ход, позволяя Ду Чэну как следует рассмотреть изменившийся пейзаж.

Как бы медленно они ни ехали, путь подошел к концу. Въехав на территорию жилого комплекса, Нин Циянь вкратце описал планировку. Оставив машину в гараже, они поднялись на лифте.

— У нас в каждой высотке по две квартиры на этаже. Наша на одиннадцатом. Соседняя пустует, — рассказывал Нин Циянь, пока они ехали. — Управляющий сказал, ее купили пожилые супруги для детей, но те в итоге приобрели жилье в другом городе, где работают, так что квартира так и стоит пустая.

Нин Циянь не обращал внимания на то, что Ду Чэн молчал всю дорогу. Он давно привык к его немногословности. Войдя в квартиру, он крепко обнял его.

— С возвращением домой!

Не дожидаясь реакции, он подтолкнул Ду Чэна к ванной. Набирая воду, он бросил в нее заранее приготовленную кожуру помело.

— Иди мойся, смой с себя всё плохое. Я оставлю телефон рядом, следи за временем, посиди в воде полные два часа. Если остынет — добавь горячей.

Сказав это, Нин Циянь поспешил на кухню — нужно было успеть приготовить праздничный ужин.

Ду Чэн посмотрел на плавающую в воде кожуру, чуть заметно вздохнул, но послушно разделся. Разобравшись с назначением всех баночек и флаконов на полках, он уселся в ванну, наполненную ароматом помело.

А Нин Циянь, переодевшись, с головой ушел в готовку. Он достал заранее подготовленные продукты. Старый суп из утки, который томился на огне еще до их отъезда, был готов — он убавил огонь, чтобы тот оставался теплым. Поставил сковороды, пустил в ход всё свое кулинарное мастерство: свиные ребрышки на пару, мясо по-дунпо, ассорти из закусок, тефтели сычуаньские, желтый горбыль на пару, белые грибы с древесными, тофу с морепродуктами и, наконец, салат из спаржи и древесных грибов. Восемь блюд и один суп — стол ломился от угощений.

Когда Ду Чэн наконец закончил двухчасовое купание и вышел, облаченный в приготовленную Нин Циянем домашнюю одежду, аромат, наполнивший гостиную, заставил его глаза блеснуть. Он прошел на кухню, следуя за запахом.

Увидев полный стол еды, Ду Чэн не скрыл удивления.

— Помылся? Как раз всё готово. Садись скорее, пока горячее, — Нин Циянь поставил последнюю тарелку с супом и пригласил Ду Чэна к столу.

По знаку Нин Цияня Ду Чэн попробовал каждое блюдо.

— Ну как? — спросил Нин Циянь.

— Вкусно, — коротко ответил Ду Чэн.

— Тогда ешь побольше.

Наевшись досыта, они развалились на диване. Нин Циянь смотрел, как Ду Чэн довольно поглаживает живот, и думал, что всё-таки есть вдвоем куда приятнее.

Он включил телевизор и протянул пульт Ду Чэну. Наблюдая, как тот переключает каналы, Нин Циянь прищурился.

Лучше рассказать ему про пространство и землетрясение уже после праздников. Пусть хотя бы Новый год встретит спокойно.

Когда еда немного улеглась, Нин Циянь потянул Ду Чэна за собой, чтобы подробно показать каждый уголок дома, словно хотел, чтобы тот в одно мгновение стал таким же хозяином здесь, как и он сам.

Первого числа по лунному календарю Нин Циянь проснулся с трудом. Глянув на часы — уже десять утра — он поспешил переместиться в пространство. Едва он вошел, как к нему, скуля, подбежал хаски, которого он назвал Ду Дабао. Было ясно, что пес проголодался: обычно Нин Циянь кормил его в шесть утра, а сегодня опоздал на четыре часа.

Насыпав корм, Нин Циянь посмотрел, как жадно ест Ду Дабао, и, помедлив, решил сходить на кухню за парой ребрышек — в качестве компенсации за поздний завтрак.

Раньше, спеша в тюрьму за Ду Чэном, он оставил пса в пространстве, а потом решил повременить с рассказом о пространстве, поэтому так и не выпускал его.

Выйдя из пространства, Нин Циянь наткнулся на чей-то темный, пристальный взгляд.

...Ду Чэн, привыкший к тюремному распорядку, встал рано, даже несмотря на то, что лег накануне за полночь после просмотра новогоднего концерта. От нечего делать он зашел в интернет с компьютера Нин Цияня. Утро пролетело незаметно, пока он не услышал звонок телефона Нин Цияня, оставленного в гостинной.

Взглянув на экран, Ду Чэн нахмурился.

Линь Яхань.

Имя явно женское. Ду Чэн хотел было сделать вид, что не заметил, но звонок продолжал настойчиво звучать. Поколебавшись, он взял телефон и подошел к двери комнаты Нин Цияня, постучал.

Трижды. В комнате по-прежнему было тихо.

Ду Чэн беспокоился. Они выросли вместе, и он прекрасно знал, что Нин Циянь не из тех, кого можно разбудить только пушечным выстрелом.

Он открыл дверь. Постель была слегка смята, но человека, который должен был спать, нигде не было.

Ду Чэн быстро подошел к кровати и прикоснулся к простыням.

Тепло еще сохранилось — значит, хозяин ушел совсем недавно.

Сердце Ду Чэна екнуло, в голову полезли нехорошие мысли, но в следующую секунду он увидел, как человек, который только что исчез, появился снова.

Они застыли, глядя друг на друга. Тишина.

Внезапно заиграла музыка — это был телефон Нин Цияня, который держал Ду Чэн.

Ду Чэн молча протянул телефон. Нин Циянь в смятении принял его и случайно нажал на громкую связь. В комнате раздался звонкий женский голос:

— С Новым годом! Старшекурсник, почему так долго не отвечал?

У Нин Цияня возникло дурное предчувствие. Не успел он произнести ни слова, как голос в трубке продолжил:

— Старшекурсник, в День святого Валентина ты ведь работаешь? После смены приглашаю тебя в кино!

Нин Циянь видел, как лицо Ду Чэна помрачнело. Внезапно перед глазами промелькнули кадры из прошлой жизни — всё началось именно с этого звонка.

В тот День святого Валентина он пошел в кино с Линь Яхань, они поужинали, а потом решили попробовать встречаться.

Ду Чэн молча съехал из дома.

Холодная война между ними.

Март, пронизывающий холод, а Ду Чэн в поте лица работает на стройке.

И, наконец, те окровавленные руки, которые после землетрясения вытащили его из-под обломков.

Тишина. Казалось, и Линь Яхань на том конце провода, и молчаливый Ду Чэн у кровати ждут ответа Нин Цияня.

Нин Циянь помолчал, а потом улыбнулся:

— Прости, Сяо Линь, в тот день я не хочу никуда выходить.

Голос в трубке запнулся, а затем заметно упал:

— Ну, ладно. До свидания, старшекурсник.

— До свидания.

Положив трубку, Нин Циянь посмотрел на Ду Чэна, чье лицо уже приняло обычное выражение.

— Еще поспишь? — спросил Ду Чэн, заметив взгляд Нин Цияня.

Нин Циянь не знал, смеяться или плакать. Этот звонок, похоже, заставил Ду Чэна забыть о его внезапном появлении. Но раз уж так вышло, тянуть больше не стоило.

— Подожди меня в гостиной, я приведу себя в порядок, и нам нужно поговорить.

Ду Чэн кивнул и вышел из комнаты.

Глядя, как он прихватил с собой телефон, Нин Циянь усмехнулся.

Когда они уселись на диван в гостиной, Нин Циянь прямо рассказал Ду Чэну о пространстве и

о грядущем через три месяца глобальном землетрясении.

Правда, он умолчал о своем перерождении — пространство и так звучало как фантастика, поэтому он просто списал пророчество о землетрясении на возможности этого самого пространства.

Ду Чэн долго хмурился, пытаясь осознать услышанное.

— Ты хочешь сказать, что получил некое пространство и одновременно с этим пророчество о том, что через три месяца мир содрогнется от землетрясения?

Нин Циянь кивнул и протянул правую руку, демонстрируя рисунок ростка на тыльной стороне ладони.

— Это и есть пространство.

Ду Чэн опустил взгляд, внимательно изучая протянутую ему руку — тонкую, с выступающими суставами и бледной кожей. Его взгляд, почти осязаемый, медленно полз по тыльной стороне ладони к самым кончикам пальцев.

У Нин Цияня по спине побежали мурашки. Он недоумевал: если действия Ду Чэна так явно выдавали его чувства, почему в прошлой жизни он понял это лишь тогда, когда тот сам признался?

Неужели он был настолько непробиваемым, что подсознательно блокировал сигналы Ду Чэна?

Разгадать это было невозможно, но теперь, когда он научился улавливать знаки внимания Ду Чэна, он не выдержал такого пристального изучения и убрал руку. Подавив желание потереть мурашки на коже, он потянул Ду Чэна за собой, прямо в пространство.

Сейчас пространство было пустынным: во дворе добавилась лишь клетка для кроликов да непоседливый Ду Дабао.

Ду Чэн осмотрелся, без лишних слов заглянул во все комнаты, а убедившись, что всё понял, вернулся во двор к щенку, который крутился вокруг Нин Цияня.

— Вот, знакомься, наш Ду Дабао, ему всего три месяца, — Нин Циянь присел, поднял лапу щенка и помахал ею перед Ду Чэном.

Ду?

Ду Чэн молча принял странное чувство юмора Нин Цияня и тоже присел рядом.

— Хаски?

Нин Циянь удивился:

— Ты знаешь?

Ду Чэн кивнул:

— В тюремной библиотеке были книги о собаках.

Нин Циянь понял, о какой библиотеке речь, и не стал расспрашивать, вернувшись к теме пространства.

— Это место — то, что я получил. Площадь невелика, но для жизни хватит.

— А пророчество?

Нин Циянь собрался с мыслями:

— Оно появилось в моей голове сразу, как я получил пространство. На самом деле, это не совсем пророчество, скорее вспышки образов, словно обрывки воспоминаний.

Ду Чэн замолчал, пытаясь представить, о чем говорит Нин Циянь, и попросил рассказать подробнее.

— Если привести всё в порядок, то картина ясна: одиннадцатое мая, через три месяца, глобальное землетрясение. А затем — экстремальный климат: невыносимая жара летом и лютый холод зимой. За этим последуют засуха летом и ледяной плен зимой, а многие сельскохозяйственные культуры перестанут расти. Выживут лишь немногие виды, так что с едой будут большие проблемы.

— И что мы будем делать? — спросил Ду Чэн, глядя на него.

— Покупать всё, что можно, и прятать сюда! — подытожил Нин Циянь.

Ду Чэн кивнул:

— Ты говоришь — я делаю.

Хотя они решили начать закупки после праздников, следующие несколько дней они провели дома, изредка выбираясь посмотреть на салюты и фонари, в основном же уткнувшись в сайты интернет-магазинов.

Миллион кажется большой суммой, но когда дело дошло до списка покупок, денег стало не хватать.

Только два мощных генератора, купленные через знакомых, обошлись в двести пятьдесят тысяч. Еще триста с лишним ушло на уголь, теплую одежду и прочее.

Глядя на остаток на карте — меньше пятисот тысяч, — Нин Циянь вздохнул.

— Не волнуйся, основное уже куплено, остального хватит, — успокоил его Ду Чэн, вытирая руки у колодца.

Нин Циянь покачал головой:

— Цены на мелочи кажутся небольшими, но их нужно много. К тому же, нельзя тратить всё до последнего цента. Даже если наступит катастрофа, пока правительство функционирует, порядок будет восстанавливаться, и деньги еще могут пригодиться.

И он снова склонился над списком.

Ду Чэн лишь усмехнулся и вернулся к осмотру пространства.

Справа во дворе он соорудил четыре загона из дерева — ждали поставки кур, уток, поросят и ягнят. У стены поставил навес — пусть площадь невелика, но укрытие от дождя не помешает.

Слева он вскопал землю для овощей и фруктов.

Купленное зерно при правильном хранении пролежит два-три года, но только если оно не обработано. Поэтому, вопреки первоначальному плану Нин Цияня покупать готовые продукты в магазине, они по совету Ду Чэна нашли поставщиков необработанного зерна, которое может долго храниться.

Благодаря их общим усилиям время пролетело незаметно, и наступил май.

Пространство перестало быть пустым. Мебель перевезли из дома. В главном зале стоял обеденный стол, слева, у стены, Ду Чэн смастерил полки для кухонной утвари. Справа

оставили печь с лежанкой, но пока не использовали — накрыли каменной плитой, на которой стояли три электроплитки, подключенные к генератору.

За три месяца Нин Циянь и Ду Чэн заметили, что температура в пространстве меняется. Когда Нин Циянь впервые получил его в конце января, снаружи было минус восемь, а внутри — плюс десять. Сейчас же снаружи было около двадцати градусов, и в пространстве установилась такая же температура. Они предположили, что климат пространства связан с внешним миром, но гораздо благоприятнее для жизни.

В комнате с лежанкой устроили спальню. В ногах поставили шкаф для постельного белья, у северной стены — гардероб и книжную полку.

Справа была кладовая на тринадцать квадратов с запасами еды.

Слева, у северной стены, стояли два огромных морозильных ларя и их старый двухдверный холодильник. Вдоль южной стены хранилось зерно — в основном рис и пшеница, а сверху — готовая мука и крупа.

В самой левой кладовой до потолка был сложен уголь.

Во дворе под навесом, который Ду Чэн приподнял над землей, обустроили ванную. Трубы и насосы проектировал сам Нин Циянь, водонагреватель сняли из домашней ванной.

В загонах справа уже жили обитатели: три свиньи, четыре овцы, десять кур и десять уток.

Слева росли овощи и арбузы. Нин Циянь настоял на том, чтобы засадить участок арбузами — в летнюю жару холодный арбуз из холодильника будет спасением.

По периметру высадили около двадцати плодовых деревьев: яблони, груши, персики, абрикосы, вишни, черешню, мандарины и хурму. Они были уже взрослыми, и на многих висели плоды. Черешня вот-вот должна была поспеть.

Всё, что можно было подготовить, было готово. До землетрясения оставалось меньше десяти дней. Нин Циянь снова и снова сверялся со списком, пытаясь понять, не забыл ли чего.

Ду Чэн, не переживший перерождения, был гораздо спокойнее. По сравнению с остальными, у них было огромное преимущество.

— Ладно, хватит. — Нин Циянь отбросил список и взял клубнику, которую только что помыл Ду Чэн. — Через пару дней уже не поедем.

— В следующем году сами вырастим, — ответил Ду Чэн.

Клубника была самой крупной и сладкой. От одного вкуса прохладной ягоды у Нин Цияня, который всё это время был на взводе, на душе стало легче.

— Давай съездим за мясом? Всё равно в морозилку класть, какая разница, когда покупать, — сказал он, жуя ягоду.

Ду Чэн кивнул и переложил из своей тарелки самую красивую ягоду в тарелку Нин Цияня.

Тот довольно улыбнулся.

Доев клубнику, они привели всё в порядок и вышли из пространства.

Теперь, когда жизнь была налажена, а большая часть мебели перевезена, они привыкли жить внутри пространства.

Они сели в машину и направились в крупный гипермаркет импортных товаров — там были отличные склады, и можно было закупиться всем необходимым за один раз.

Поднявшись на лифте в отдел заморозки, Нин Циянь нашел менеджера и передал ему заранее составленный список покупок.

<http://bllate.org/book/18708/1808060>